

СОАВТОР «РЕФОРМАЦИИ ГОРБАЧЕВА» (КОРОТКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О Г.Х. ШАХНАЗАРОВЕ)

Станкевич З.А.¹

DOI: [10.24682/2226-0692-2024-3-7-9](https://doi.org/10.24682/2226-0692-2024-3-7-9)

О человеке с такой явно «восточной» фамилией я даже не слышал вплоть до осени 1986 года, когда стал учиться в аспирантуре одной из двух международных кафедр элитной в то время Академии общественных наук при ЦК КПСС. И это при том, что мы оба работали в одной Системе — просто каждый из нас находился на своей «орбите», которые практически не пересекались: он в ранге заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС отвечал за положение дел в ряде важнейших стран социалистического содружества, включая «проблемную» Польшу, а я скромно «курировал» средства массовой информации республики в отделе пропаганды и агитации ЦК Компартии Латвии.

Но с началом моего обучения в Москве положение стало меняться. По мере того, как я втягивался в новую для себя проблематику международной политики, включая специфику соответствующей деятельности главного руководящего органа партии, имя и особенно труды заметного политического деятеля и учёного на стыке юриспруденции и только ещё зарождающейся советской политической науки, а в недалёком будущем — члена корреспондента Академии наук СССР Георгия Хосроевича Шахназарова стали для меня не только близки и понятны, но и превратились в своего рода ориентир для собственного профессионального роста.

Этому способствовали в основном два важных фактора. Одним из них был царивший тогда (в том числе среди партийных работников моего поколения) дух горбачевской Перестройки, переживавшей в тот период, как представляется, свои лучшие годы, атмосфера необычной для советского времени свободы выбора и потребления информации, включая ту, доступа к которой были лишены не только рядовые граждане, но и большинство людей Системы. Мы, аспиранты — как советские, так и иностранные, об-

учавшиеся вместе с нами, — однозначно связывали эти прогрессивные тенденции и фундаментальные перемены в социально-экономической и политической жизни страны (которые, кстати, позже получат меткое шахназаровское обозначение «реформация Горбачёва») с деятельностью нового Генерального секретаря ЦК КПСС и его ближайших сподвижников, среди которых был и Георгий Хосроевич.

Вторым фактором, заочно (пока ещё!) сблизившим меня с Г.Х. Шахназаровым в интеллектуальном и политическом планах, выступал сам процесс обучения в аспирантуре Академии. Точнее, общение с профессорами и преподавателями нашей кафедры, многие из которых (напр., мой научный руководитель проф. Водолазов Г.Г.) лично знали Георгия Хосроевича, поскольку часто готовили аналитические и справочно-информационные материалы по поручениям Международного отдела ЦК, одним из руководителей которого он был. Так или иначе, они делились опытом этого сотрудничества с нами, и это лишь подогревало наш интерес к данной, в основном закрытой от посторонних глаз, а посему завораживающей сфере деятельности КПСС. Свою важную роль в этом сыграло и наше плотное знакомство с работой известного пражского журнала «Проблемы мира и социализма», который в первые годы Перестройки стал значимой дискуссионной площадкой для обсуждения ключевых проблем, стоящих перед социалистическими странами и их правящими партиями.

Впрочем, была и чисто прагматическая причина моего тогдашнего интереса к личности и деятельности Г.Х. Шахназарова. Она была связана с ним как с одним из зачинателей политологии в Советском Союзе и с возглавляемой им, очень модной в те годы Советской ассоциацией политических наук. Я мечтал стать её членом после завершения учёбы

¹ Станкевич Зигмунд Антонович, доктор юридических наук, в 1990—91 гг. — сотрудник Аппарата Президента СССР. Действительный член (академик) Российской академии социальных наук, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: miussy-zs@ya.ru

в аспирантуре и защиты кандидатской диссертации по политическим наукам (для чего, между прочим, добился специального разрешения союзного ВАКа, что было совсем нелегко сделать). Правда, в «перестроечной» суеде и неразберихе конца 80-х из этого ничего не получилось — уже защищённое исследование переквалифицировали с политических наук на исторические, да и членство в Ассоциации осталось всего лишь «голубой мечтой», вскоре исчезнувшей под натиском суровой действительности той, переломной поры.

Местами казалось, что всё уже в прошлом — ведь «колесо истории» на переломе 80-х и 90-х годов минувшего столетия крутилось с такой скоростью, что никто не мог точно предсказать, где он окажется на следующем его «обороте» — наверху, в гуще событий, меняющих жизнеустройство, или внизу, среди тех, кто покорно ожидает вердикта судьбы. Но мне несказанно повезло — я оказался среди тех немногих, кто получил счастливую возможность поработать в команде первого (и, к сожалению, последнего...) Президента СССР М.С. Горбачёва, провести вместе с коллегами-единомышленниками весь тяжелейший для страны период последних двух лет существования Союза, пытаясь добросовестно поправить то, что практически уже было неисправимо. И на этом «треке» я неожиданно для себя, но теперь уже вполне очно и конкретно, столкнулся с помощником, а затем — советником Президента СССР Георгием Хосроевичем Шахназаровым.

Дело в том, что вскоре после учреждения в марте 1990 г. поста Президента СССР и, соответственно, начала формирования Аппарата главы союзного государства, я был «командирован» в новую структуру из аппарата ЦК КПСС в помощь недавно назначенному члену Президентского Совета СССР Григорию Ивановичу Ревенко. Ему Михаил Сергеевич поручил вести, совместно с Г.Х. Шахназаровым, проблематику реформирования Союза, важнейшей составляющей которого была определена разработка и согласование проекта нового Союзного договора. Предстояла очень напряженная, сложная и кропотливая работа, которую предстояло выполнить не только обоим соратникам Президента, но и их крошечным секретариатам, состоящим из нескольких сотрудников.

Работая в этом компактном, но очень профессиональном и дружном коллективе, в который входили, в частности, Юрий Михайлович Батулин, консультант Шахназарова, и Анатолий Александрович Сазонов, советник Ревенко, я стал время от времени встречаться и общаться также с Георгием Хосроевичем. Сегодня, к сожалению, уже отчётливо не помню нашей первой встречи и знакомства (кажется, нас познакомил в своем кремлёвском кабинете Г.И. Ревенко), но обычно это было короткое и очень деловое общение, как правило, связанное с обсуждением того или иного вопроса, входящего в компетенцию нашей группы. Правда, с течением времени, видимо, немно-

го привыкнув ко мне — ещё относительно молодому, 40-летнему сотруднику, — Георгий Хосроевич в общении стал менее официальным, почти отеческим, перешёл на «ты», мог ярко пошутить или слегка «подколоть», а иногда даже дружески похлопать по плечу. Это, естественно, воспринималось как знак расположения и лишь усиливало моё уважение к нему.

Как любой деятель подобного уровня, Г.Х. Шахназаров ощущал себя настоящим мэтром — и не без оснований. Мне кажется, ему доставляло особое удовольствие то, что вокруг него группируются сравнительно молодые люди, которых он может обучить своему «ремеслу» — искусству писать служебные записки и готовить доклады, и которым может хотя бы частично передать свой богатейший опыт. Конечно, в нашей команде по части профессионального «наследования» Георгию Хосроевичу в самом привилегированном положении был его ближайший сотрудник и помощник Юрий Батулин, но и мне иногда выпадала возможность кое-чему научиться. Так, однажды Шахназаров попросил меня подготовить небольшой материал к какому-то очередному докладу или выступлению Президента СССР. Но обусловил задание тем, что вся суть проблемы должна быть изложена на одной странице.

Те, кому приходилось заниматься подобными делами, знают, что чем короче текст, тем сложнее его написать — особенно, когда идёт речь о серьёзных политических либо государственных проблемах. Я это понял сразу, как только принялся за работу. Но очень хотелось достойно выглядеть в глазах мэтра, поэтому я старался как мог. И, кажется, справился. С осознанием этого я и отправился к Георгию Хосроевичу, чтобы вручить ему свое «творение». Внимательно прочитав мою страничку, мэтр улыбнулся и произнёс: «Всё это, конечно, гениально... но вряд ли я это смогу использовать». А затем, увидев моё растерянное выражение лица, дружелюбно добавил: «Да не расстраивайся ты, всё нормально!». На том и расстались. Впрочем, в тексте одной из речей Михаила Сергеевича «парафразу» на свой материал я затем всё-таки обнаружил.

Надо заметить, что подобные «эпизоды» ничуть не омрачали наши с Г.Х. Шахназаровым взаимоотношения. Наоборот, как представляется, они их только укрепляли, и с каждым нашим последующим рабочим или личным контактом я проникался к нему всё большей симпатией, даже определенной гордостью за то, что лично знаю этого неординарного человека и могу работать рядом с ним. Иногда это чувство просто переполняло меня. Так, в частности, произошло в один из сентябрьских дней 1991 года, когда наша команда (в полном составе!) встречалась с представителями российского президента по поводу условий продолжения совместной работы над проектом нового Союзного договора.

Разговор с самого начала не заладился, поскольку ельцинская сторона, на которой «солировали» Сергей Шахрай и Александр Котенков, сходу

избрала агрессивную, развязную манеру ведения диалога. По-видимому, в полной мере ощущая себя «победителями над путчистами» и «спасителями российской демократии», они сходу стали диктовать нам свои условия, причем в достаточно грубой, порой хамской форме. Особенно досталось старшему из нас и, кстати, ветерану войны — Георгию Хосроевичу, который какое-то время терпеливо выслушивал их оскорбительные тирады, а затем жёстко прервал очередного выступающего, твёрдо заявив, что сейчас покинет совещание и больше с этими «делегатами» общаться не будет. Это возымело эффект, привело в чувство не в меру распоясавшихся демократических неофитов и позволило нам нормально продолжить разговор. А я про себя обрадовался, что нахожусь вместе с такими, как Г.Х. Шахназаров и остальные коллеги, на одной, как мне казалось, «на правильной стороне истории».

После отставки Президента СССР в конце декабря 1991 г. и, соответственно, расформирования Аппарата главы союзного государства, наши пути с Георгием Хосроевичем Шахназаровым естественным образом разошлись. Он ушёл в «Горбачев-Фонд», где возглавил Центр глобальных проблем, а я временно вернулся в «родную» Академию, в которой занялся чисто правовой научной проблематикой. Казалось бы, мы никогда уже не пересечемся на почве прежних устремлений и интересов. Однако судьба распорядилась по-иному, дала ещё один шанс.

Во второй половине 90-х, уже работая в секретариате заместителя Председателя Государственной Думы РФ, я неожиданно получил приглашение на научно-практическую конференцию в «Горбачёв-

Фонде», организатором которой выступил Центр во главе с Г.Х. Шахназаровым. Меня это очень заинтересовало, и я решил пойти и даже выступить. Уж больно хотелось также опять повидать бывших коллег, многие из которых по-прежнему работали в Фонде. Встреча, как я и ожидал, получилась тёплой и сердечной. Особенно порадовало то, как меня принял Георгий Хосроевич, который нашел время вполне дружески побеседовать, неспешно расспросить, как жизнь, как дела. А затем за руку подвёл меня к председательствующему на конференции М.С. Горбачёву и радостно сказал: «Смотрите, Михаил Сергеевич, наш Зигмунд тоже пришёл!». Понятно, что такое отношение не забывается.

* * *

Приближающееся 100-летие Георгия Хосроевича Шахназарова является прекрасным поводом для того, чтобы не только вспомнить и достойно оценить этого выдающегося человека, отдать ему должное за то, что он сделал для страны и людей, но и в очередной раз обратиться к эпохе «реформации Горбачёва», ближайшим сподвижником и соратником которого он был, дабы заново переосмыслить её в контексте переживаемого ныне исторического момента. Может быть, именно эта годовщина поможет думающей части общества лучше понять происходящее на наших глазах, глубже осознать «цену Свободы», о которой столь ярко и убедительно писал Георгий Хосроевич в своей первой постперестроечной книге. Нет сомнений в том, что его теоретическое и практическое наследие не может и не должно быть забыто.

